

*И снова я посвящаю книгу моей жене Даниель.
Несмотря на то что мы провели вместе
много счастливых лет, полных любви,
мне кажется, все только начинается.
Нас ждет еще очень многое.*

На пустыню напоздали сумерки, окрашивая бескрайние пески багровым цветом. Они, словно вата, приглушали все звуки, поэтому вечер казался тихим, безмолвным.

С гребня бархана мужчина и женщина смотрели на оазис и окружающие его деревушки. Все домики были белыми, низкими, с плоскими крышами, и только мусульманская мечеть и коптская христианская церковь поднимались над огромными пальмами. Эти оплоты веры высились на противоположных берегах озера.

Вода темнела. С негромким плеском опустилась стая уток, и белая пена сверкнула на фоне заросших тростником берегов.

Стоящие на бархане представляли собой странную пару. Мужчина — пожилой, высокий, хоть годы слегка и согнули его спину. Последние лучи солнца падали на седеющие волосы. Женщина была совсем молода, немногим старше тридцати, стройная, пылкая, полная жизни. Кожаный ремешок стягивал густые вьющиеся волосы на затылке.

— Пора спускаться. Алиа уже ждет.

Он нежно улыбнулся. Его жена. Его вторая жена. Когда умерла первая, казалось, солнечный свет исчез вместе с ней. И нельзя было ждать еще одной светлой полосы в жизни. Теперь у него есть она и работа. Он с полным основанием считал себя счастливым человеком.

Неожиданно женщина высвободилась из его рук, развязала ремешок, тряхнула густыми темными волосами и рассмеялась. Приятный звук. Потом бросилась вниз по крутому склону бархана. Длинные юбки развевались, открывая ноги. Загорелые, стройные ноги. Женщина умудрилась удерживать равновесие до середины пути, а потом сила тяготения возобладала и неудержимо повлекла ее вниз.

Он снисходительно улыбнулся с вершины. Порой жена вела себя как ребенок. А в остальное время — как серьезная женщина, обладающая чувством собственного достоинства. Он не знал, что лучше, но любил ее всякой.

Женщина скатилась вниз, приподнялась, все еще смеясь, и принялась вытряхивать из волос песок.

— Теперь ты! — закричала она.

Мужчина спокойно принялся спускаться и, пусть двигался не так изящно, как в молодости, сохранил равновесие до конца. Помогая женщине встать на ноги, он не поцеловал ее, хотя соблазн был велик. Но арабы не проявляют чувств на людях, даже если речь идет о любимой жене.

Перед тем как двинуться в сторону деревни, она расправила одежду и снова связала волосы в хвост. Они обогнули заросли тростника и перешли по шатким мостикам оросительные каналы. Крестьяне, бредущие домой с полей, уважительно приветствовали их:

— Салам алейкум, доктари! Мир вам, доктор.

Они уважали всех образованных людей, но его особенно — за доброту к ним и их семьям. Многие из крестьян работали еще на его отца. Никого не волновало, что почти все они мусульмане, а он христианин.

Когда добрались до виллы, Алиа, старая домоправительница, встретила их недовольным ворчанием:

— Припозднились. Вечно задерживаетесь. Почему вы не можете соблюдать режим, как нормальные порядочные люди? Не следует забывать о своем положении в обществе.

— Старая матушка, вы всегда правы, — мягко поддразнил доктор. — Что бы мы делали без вашей заботы?

Алиа отвернулась и вышла, хмурясь, чтобы скрыть искреннюю привязанность к нему.

В закрытом дворике супруги съели нехитрый ужин — финики, оливки, пресный хлеб и сыр из козьего молока. Когда закончили трапезу, стемнело, но звезды в пустыне сияли ярко, словно свечи.

— Ройан, цветочек мой. — Муж коснулся ее руки. — Пора приниматься за работу.

Он поднялся из-за стола и направился в кабинет, выходящий прямо во двор.

Ройан аль-Симма сразу подошла к высокому стальному сейфу возле дальней стены и набрала кодовую комбинацию. Сейф странно смотрелся в этой комнате, среди старинных книг и свитков, древних статуй и прочих памятников материальной культуры, собранных ее мужем за долгую жизнь.

Когда тяжелая стальная дверь отворилась, Ройан на мгновение отступила. Ее всегда охватывало странное благоговение при виде дошедшей сквозь бесчисленные годы реликвии, даже если прошло всего несколько часов с момента, когда они работали с ней в прошлый раз.

— Седьмой свиток, — прошептала Ройан и не без трепета коснулась его.

Творение настоящего гения, обратившегося в прах четыре тысячи лет назад. Этого человека она узнала и научилась уважать не меньше, чем собственного мужа. Его вечные слова доносились сквозь могильный мрак, с райских полей, где царствует великая троица — Осирис, Исида и Гор. В них истово верил автор свитка. Так же истово, как она — в другую Троицу.

Ройан положила древний манускрипт на длинный стол, за которым Дурайд, ее муж, уже погрузился в работу. Он поднял глаза на реликвию, и Ройан заметила на лице супруга выражение того же благоговения, что испытывала сама. Ему всегда хотелось, чтобы свиток лежал

перед ним на столе, хотя настоящей нужды в этом не было — микрофильмы и фотографии изучать проще. Казалось, ученому требовалось незримое присутствие древнего автора, пока он исследовал его текст.

Впрочем, эти чувства лишь промелькнули на лице Дурайда — и он опять превратился в бесстрастного ученого.

— Твои глаза лучше моих, цветочек. Как ты думаешь, что это за символ?

Ройан заглянула через плечо и принялась изучать иероглиф на фотографии, который не смог разобрать муж. Сначала она просто рассматривала его, потом взяла увеличительное стекло и продолжила вглядываться.

— Кажется, Таита подкинул новую криптограмму собственного изобретения, чтобы поиздеваться над нами.

Она говорила о древнем авторе так, будто он был милым, но порой несносным другом, который живет неподалеку и любит подшутить.

— Значит, придется разгадать, — объявил Дурайд довольным тоном.

Он обожал эту игру. Она составляла смысл его жизни.

Супруги трудились над манускриптом до поздней ночи. Именно в это время работа особенно спорилась. Порой они переговаривались на арабском, порой — на английском. Им было все равно. Куда реже звучал французский, их третий общий язык. Оба получили образование в университетах Англии и Соединенных Штатов, вдали от «этого самого Египта». Ройан очень нравилось выражение «этот самый Египет», которое Таита часто употреблял в рукописях.

Она чувствовала странную близость с древним египтянином. В конце концов, Ройан была его прямым потомком, поскольку происходила от коптских христиан, а не от арабов, завоевавших эту страну всего четырнадцать столетий назад. Арабы только пришельцы в Египте, а ее родословная восходит к временам фараонов и великих пирамид.

В десять часов Ройан сварила кофе, поставив турку на печь, которую растопила Алиа, прежде чем вернуться в деревню к собственной семье. Они пили сладкий, крепкий напиток из тонкостенных чашек, заполненных до середины гущей, и разговаривали как старые добрые друзья.

Для Ройан их отношения и были дружбой. Она познакомилась с Дурайдом, когда вернулась из Англии, защитив диссертацию по археологии, и нашла работу в Департаменте древностей, директором которого и был ее нынешний муж.

Ройан являлась ассистентом Дурайда, когда он открыл гробницу царицы Лостры в Долине царей, построенную около 1780 года до нашей эры, и была разочарована не меньше его, когда выяснилось, что гробница разграблена еще в незапамятные времена. Все, что осталось, — роскошные фрески, покрывавшие стены и потолок склепа.

И именно Ройан фотографировала росписи за каменной плитой, на которой раньше стоял саркофаг, когда отвалился кусок штукатурки и глазам археологов открылась ниша, в которой находилось десять алебастровых кувшинов. Каждый из них содержал по свитку. И все их написал и поместил туда раб царицы, Таита.

С тех пор жизни Дурайда и ее самой вращались вокруг этих кусков папируса. Несмотря на некоторый ущерб, причиненный древним манускриптам временем, в целом они необычайно хорошо сохранились, пролежав в гробнице четыре тысячи лет.

В рукописях содержалась захватывающая история о народе — на него напал превосходящий враг на лошадях и колесницах, которых в то время в Египте не знали. Разбитые армией гиксосов, обитатели берегов Нила были вынуждены бежать. Царица Лостра повела их на юг, вдоль великой реки к ее истокам, в жестокие горы Эфиопии. Здесь, среди суровых скал, Лостра захоронила мумию своего супруга, фараона Мамоса, погибшего в битве с гиксосами.

Много лет спустя Лостра повела свой народ на север, в «этот самый Египет». Оснащенные лошадьми с колесницами, закаленные суровой африканской глушью, воины двинулись вниз по течению Нила, обрушились на захватчиков-гиксосов и вырвали из их рук власть над Верхним и Нижним Египтом.

Эта история вызывала у Ройан непонятный трепет и захватывала не меньше фантастической повести, пока супруги разбирали иероглиф за иероглифом, написанные старым рабом на папирусе.

Работа заняла много лет — по вечерам здесь, на вилле в оазисе, после того как дневная рутина в Каирском музее заканчивалась. Девять свитков были переведены — все, кроме седьмого. Именно он оказался главной загадкой. Автор окутывал свою мысль слоями эзотерики и таких сложных аллюзий, что понять их через столько лет почти не представлялось возможным. Многие символы, которые он использовал при письме, ни разу не встречались в тех тысячах текстов, которые египтологам приходилось читать. Становилось ясно, что Таита не предполагал, что эти свитки будет читать кто-нибудь, кроме его любимой царицы. Это был его последний дар ей — дар, который она унесла с собой в могилу.

Потребовались все знания, воображение и изобретательность, чтобы продвинуться на пути расшифровки. В переводе по-прежнему оставалось много пропусков и мест, где египтологи не были уверены, верно ли поняли значение символов, но так или иначе общий смысл прояснился.

Дурайд отхлебнул кофе и уже не в первый раз покачал головой.

— Меня пугает ответственность, — проговорил он. — Что делать со знанием, отблеск которого мы получили? Если оно попадет в дурные руки... — Ученый сделал еще глоток и вздохнул. — Даже если мы предложим его достойным людям, поверят ли они сведениям, которым четыре тысячи лет от роду?

— А почему мы должны привлекать кого-то еще? — недовольно спросила Ройан. — Почему сами не можем сделать все, что нужно?

В такие моменты разница между супругами становилась особенно очевидна. Он воплощал осторожность зрелого возраста, она — пылкость молодости.

— Ты не понимаешь, — сказал Дурайд.

Ройан всегда злило, когда муж начинал говорить с ней так, как арабы обычно обращаются к женщинам в своем мужском мире. Она знала и другой мир, где женщины требовали и получали равные права с мужчинами. Молодой археолог застряла между двумя противоположными цивилизациями — западной и арабской.

Мать Ройан была англичанкой, работавшей в британском посольстве в Каире в беспокойные времена после Второй мировой войны. Она познакомилась с молодым египетским офицером из штаба полковника Насера и вышла за него замуж. Этот странный союз распался, когда Ройан была еще ребенком.

Ее мать настояла на возвращении в Англию перед родами, в свой родной город Йорк. Она хотела, чтобы ребенок получил британское гражданство. После развода родителей Ройан, опять-таки по настоянию матери, отправилась в Англию учиться в школе, но все каникулы проводила с папой в Каире. Отец быстро пошел вверх по служебной лестнице и в конце концов стал министром в правительстве Мубарака. Благодаря любви к нему Ройан считала себя скорее египтянкой, чем англичанкой.

Именно отец выдал ее замуж за Дурайда аль-Симму. Это было его последнее деяние перед смертью, и дочь не смогла отказать отцу в предсмертном желании. К тому же, хотя современное воспитание Ройан противилось старому коптскому обычаю свадьбы по сговору, семейные традиции и церковь были против нее. Она согласилась.

Брак с Дурайдом оказался не настолько непереносим, как она опасалась. Он казался бы Ройан еще более

удобным и удовлетворительным, если бы она не успела познать радости любви. Однако у Ройан еще в университете была короткая связь с однокурсником Дэвидом. Он вознес ее на короткое время в рай, к безумному блаженству, а потом причинил немало боли, женившись на светловолосой англичанке, которую одобрили его родители.

Ройан уважала Дурайда и относилась к нему с теплом, но ночью иногда тосковала по прикосновениям молодого тела, такого же гибкого и сильного, как ее собственное.

Дурайд продолжал говорить, однако слова пролетали мимо ушей его жены. Она прислушалась.

— Я еще раз побеседовал с министром, но, думается, он не вполне верит мне. Наверное, Нахут убедил его, что я не в своем уме. — Дурайд грустно улыбнулся. Нахут Гуддаби был его амбициозным помощником, имеющим хорошие связи. — Так или иначе, но министр говорит, что у правительства нет денег, и мне придется искать внешние источники финансирования. Поэтому я еще раз просмотрел список потенциальных спонсоров и сузил его до четырех пунктов. Во-первых, есть Музей Гетти, но я не люблю работать с большими безликими организациями. Лучше, когда имеешь дело с конкретным человеком. Куда проще достигнуть соглашения.

Ройан уже несколько раз слышала это, но продолжала покорно внимать.

— Кроме того, есть герр фон Шиллер. У него имеются деньги и интерес к данной проблеме, но я не уверен, что ему можно полностью доверять.

Дурайд прервался. Он часто рассуждал об этом, и Ройан могла предсказать, какие будут следующие слова.

— А как насчет американца? Он знаменитый колллекционер, — опередила она мужа.

— С Питером Уолшем трудно работать. Страсть к накоплению делает его неразборчивым в средствах. Он меня пугает.

— И кто же остается?

Дурайд промолчал, потому что оба прекрасно знали ответ. И он повернулся к столу, заваленному рабочими материалами:

— Они выглядят так невинно, так обыденно. Старый свиток папируса, несколько фотографий и блокнотов, компьютерная распечатка. Трудно поверить, какими опасными могут оказаться эти вещи в дурных руках. — Потом он рассмеялся. — Что-то я размечтался. Должно быть, поздно. Может, вернемся к работе? А об остальном будем беспокоиться, когда разгадаем все загадки старого негодяя Таиты и завершим перевод.

Дурайд взял фотографию, лежащую поверх кипы бумаг. Она представляла собой копию средней части свитка.

— Какая неудача, что папирус поврежден именно здесь. — Дурайд надел очки и начал читать вслух: — «Многие ступени должно пройти по лестнице, ведущей в жилище Хапи. С большими трудностями и лишениями мы добрались до второй ступени и не пошли дальше, поскольку царевичу явилось божественное откровение. Во сне пред ним предстал его отец, покойный бог-фараон, и сказал: „Долго я шел и устал. Здесь я упокоюсь навечно“. — Дурайд снял очки и бросил взгляд на Ройан. — «Вторая ступень». В кои-то веки довольно точное описание. Таита на мгновение отказался от обычных хитросплетений.

— Давай еще раз посмотрим на спутниковые снимки, — предложила жена и придвинула к себе глянцевого лист.

Дурайд обошел стол и принялся смотреть у нее из-за плеча.

— Наиболее логичным кажется предположение, что естественные препятствия, которые затрудняли им путь по ущелью, — водопады или пороги. И если это второй водопад, то они остановились здесь... — Ройан указала пальцем на тонкую ленту реки, змеящуюся среди темных

каменных массивов на спутниковом снимке. — Слушай! — неожиданно проговорила она, в голосе прозвучали тревожные нотки.

— Что такое? — Дурайд тоже поднял голову.

— Собака.

— Проклятый пес, — согласился он. — Всю ночь покоя не дает своим тьяканьем. Я уже не раз обещал себе избавиться от него.

В этот момент погас свет.

От неожиданности супруги застыли на месте. Тихий перестук старенького дизельного генератора в сарае позади пальмовой рощи смолк.

Глаза постепенно привыкли к темноте и смогли различать очертания комнаты в слабом свете звезд, проникающем сквозь двери. Дурайд пересек комнату и взял керосиновую лампу с полки за дверью, где она много лет ожидала такого случая. Он зажег ее, посмотрел на Ройан и покорно вздохнул:

— Придется пойти...

— Дурайд! — перебила она. — Собака!

Муж прислушался, на его лице отразилось беспокойство. Собака молчала.

— Уверен, здесь не о чем беспокоиться.

Дурайд направился к двери, и Ройан, сама не зная почему, неожиданно сказала вслед:

— Будь осторожнее!

Он небрежно пожал плечами и вышел на веранду.

Сначала Ройан показалось, что на пол упала тень виноградной лозы, колышимой ветром, но ночь была тиха. Потом она увидела, как некий человек быстро и бесшумно пересек двор, подкрадываясь к Дурайду, подходившему к бассейну с рыбками.

— Дурайд! — закричала женщина, желая предупредить мужа, и тот резко обернулся, высоко поднимая лампу.

— Кто вы? — воскликнул он. — Что вам здесь нужно?

Незнакомец молча приближался. Традиционная длинная одежда, дишдаша, колыхалась с каждым шагом, а голову прикрывала полотняная гутра. При свете лампы Дурайд заметил, что ткань скрывает лицо.

Незнакомец находился спиной к Ройан, так что она не видела ножа в его руке, но колющий выпад, направленный в живот Дурайда, ни с чем нельзя было спутать. Ее муж застонал от боли и согнулся пополам, а незнакомец выдернул нож из раны и нанес еще один удар. На сей раз Дурайд бросил лампу и схватил руку с кинжалом.

Пламя упавшей лампы зашипело и погасло. Двое мужчин боролись в полумраке, но Ройан все же видела темное пятно, расплзающееся по белой рубашке мужа.

— Беги! — крикнул он ей. — Скорее позови на помощь! Я с ним не справлюсь!

Она знала, что Дурайд мягкий человек, ученый и библиофил. Нетрудно было понять, что напавший превосходит его по силе.

— Беги! Пожалуйста! Спасайся, мой цветочек!

По голосу Ройан поняла, что он слабеет, однако Дурайд из последних сил цеплялся за руку с ножом.

Несколько секунд она стояла, застыв на месте и не зная, что делать, но после отчаянного призыва мужа сбросила оцепенение и побежала к двери. Страх и желание позвать на помощь гнали Ройан вперед, и она, быстрая как лань, пересекла дворик. Дурайд помешал убийце остановить ее.

Молодая женщина перепрыгнула через низенькую каменную стену в пальмовую рощу и попала прямо в объятия второго убийцы. Она закричала и попыталась увернуться. Вражеские руки скользнули по лицу, но ухватились за тонкую хлопковую блузку.

На сей раз Ройан сразу заметила нож, блеснувший серебром в звездном свете, и страх придал ей силы. Ткань с треском порвалась, и беглянка оказалась свободна. И все же лезвие успело коснуться ее — боль обожгла предпле-

чье. Ройан лягнула нападавшего и попала ему в пах — бандит с воплем упал на колени.

И вот она уже в пальмовой роще. Сначала Ройан мчалась вперед, не глядя по сторонам и не задумываясь ни о чем. Просто пыталась убежать так далеко, как только могут унести ноги. Но постепенно паника начала оставлять ее, и Ройан обернулась. Кажется, ее никто не преследовал. На берегу озера она замедлила бег, чтобы сбегать силы, и только тогда почувствовала теплый ручеек крови, струящийся по руке. Алая жидкость капала на землю с кончиков пальцев.

Ройан остановилась и, прислонившись к шершавому стволу одной из пальм, оторвала кусок ткани от блузки и перетянула руку. Ее так трясло от пережитого потрясения и усталости, что даже здоровая рука не хотела слушаться. Когда Ройан, не без помощи зубов, удалось завязать узел, кровотечение остановилось.

Она никак не могла решить, куда бежать, и тут заметила свет в окне домика Али на противоположной стороне оросительного канала. Ройан оттолкнулась от ствола пальмы и поспешила туда. Не успела она пробежать и сотню шагов, как из рощи за ее спиной донесся голос, спросивший на арабском:

— Юсуф, женщина побежала не в твою сторону?

Прямо перед ней вспыхнул свет фонарика, и другой голос отозвался:

— Нет, я ее не видел.

Еще несколько мгновений — и Ройан попала бы к убийце прямо в руки. Она в отчаянии огляделась. Из рощи приближался еще один человек с фонариком. Должно быть, тот самый тип, которого она ударила, но по уверенным шагам становилось ясно, что он снова в полном порядке.

Ее окружили с двух сторон, поэтому Ройан направилась обратно к берегу озера. Там проходила дорога. Как знать, может, встретится запоздавший автомобиль. Она споткнулась и упала, ободрав колени, но поднялась

и побежала дальше. Упав во второй раз, Ройан нащупала на земле гладкий круглый камень размером с апельсин и прихватила его с собой. Даже такое жалкое оружие придало женщине уверенности.

Раненая рука начинала болеть, а Ройан не оставляла тревога за Дурайда. Она знала, что он тяжело ранен. Надо найти помощь. За ее спиной по роще шарили лучами фонарей, и Ройан понимала, что ей не убежать. Преследователи догоняли жертву — голоса приближались.

Наконец беглянка достигла дороги и с тихим стоном облегчения выбралась из канавы на ровную поверхность, засыпанную гравием. Ноги дрожали и едва двигались, но Ройан упорно бежала к деревне.

Не достигнув и первого поворота, она заметила приближающиеся фары и выскочила на середину дороги.

— Помогите! — закричала она по-арабски. — Пожалуйста, помогите мне!

Машина выехала из-за поворота, и за миг до того, как свет фар ослепил ее, Ройан заметила, что это маленький темный «фиат». Она отчаянно замахала руками, призывая водителя остановиться. Фары, словно софиты на сцене театра, выхватили ее из темноты.

Машина остановилась рядом. Ройан бросилась к двери водителя и стала дергать за ручку:

— Пожалуйста, вы должны помочь мне...

Щелкнул замок, и дверца распахнулась с такой силой, что Ройан чуть не упала. Водитель выпрыгнул из машины, схватил Ройан за запястье раненой руки и потащил к «фиату», распахнув заднюю дверцу.

— Юсуф! Башит! — крикнул шофер в темноту пальмовой рощи. — Я ее поймал.

В ответ донеслись крики, и фонарики повернули в их направлении. Водитель пригибал голову Ройан, пытаясь затолкать женщину на заднее сиденье. Неожиданно Ройан осознала, что все еще сжимает в руке круглый камень. Она слегка развернулась, собралась с силами и, размахнувшись, ударила бандита камнем по голове, попав в ви-

сок. Водитель беззвучно рухнул на дорогу и больше не шевелился.

Ройан бросила камень и снова побежала. Оказалось, что свет фонарей то и дело падает на нее. Двое мужчин закричали за спиной.

Обернувшись, беглянка увидела, что ее быстро догоняют, и осознала, что единственный шанс — темнота за пределами дороги. Она повернула в сторону и, сбегав с насыпи, мгновенно оказалась по пояс в воде.

В темноте и общей неразберихе Ройан не сразу поняла, что добралась до места, где дорога проходила вдоль берега озера. Неподалеку были заросли папируса и тростников, в которых можно укрыться.

Она брела по воде, чувствуя, как становится все глубже и глубже, потом ей пришлось поплыть. Беглянке очень мешали юбки и раненая рука, зато медленные и аккуратные движения не сильно колебали поверхность воды. Когда преследователи добежали до места, где она спустилась с дороги, Ройан уже добралась до густых зарослей тростника.

Она залезла в самую середину и перестала грести. Оказалось, что здесь не так глубоко: когда пальцы ног коснулись мягкого ила, вода не покрывала ноздри. Так Ройан и осталась стоять — запрокинув голову, едва выходящая над водой и отвернувшись от берега. Она была уверена, что темные волосы не отражают свет фонаря и не выдадут ее.

Хотя уши оказались под водой, до беглянки доносились возбужденные голоса мужчин, стоящих на дороге. Они светили в камыши, пытаясь разыскать ее. Луч скользнул прямо по ней, и Ройан сделала глубокий вдох, готовясь нырнуть, но ее все же не заметили.

Воодушевленная мыслью, что ее не обнаружили даже в прямом свете фонаря, она рискнула наклонить голову так, чтобы одно ухо торчало из воды и можно было разобрат слова преследователей.

Они говорили по-арабски. Ройан узнала голос Башита. Кажется, он был главный, поскольку отдавал приказы.

— Полезай туда, Юсуф, и вытащи шлюху на берег.

Тот с плеском вбежал в воду.

— Дальше, — велел Башит. — Она в тех камышах, куда я свечу фонарем.

— Здесь слишком глубоко. Ты прекрасно знаешь, что я не умею плавать. А тут меня накроет с головой.

— Прямо перед тобой! В камышах. Я вижу ее голову, — уговаривал его Башит, и Ройан, испугавшись, что ее все же заметили, скрылась под воду почти целиком.

Юсуф с громким плеском двинулся по направлению к Ройан, но внезапно раздался такой грохот, что даже бандит испугался и закричал:

— Джинны! Сохрани меня Аллах!

Стая уток поднялась в воздух и устремилась в темное небо.

Юсуф побрел обратно к берегу, и никакие угрозы Башита не смогли заставить его продолжить охоту.

— Женщина не так важна, как свиток, — возразил он, вылезая на дорогу. — Без свитка не будет денег, а ее мы всегда сможем отыскать.

Слегка повернув голову, Ройан сумела заметить, что свет фонарей начал удаляться по направлению к «фиату». Хлопнули дверцы, взревел двигатель, и машина покатила в сторону виллы.

Ройан была слишком напугана и потрясена случившимся, чтобы покинуть укрытие. Она опасалась, что бандиты оставили одного человека на дороге ждать, пока беглянка сама покажется. Ройан стояла на цыпочках, дрожа скорее от страха, чем от холода. Она твердо решила терпеть до спасительного рассвета.

Только когда небо осветили всполохи пламени, видные даже сквозь пальмовую рощу, Ройан забыла о собственной безопасности и побрела к берегу.

Она опустилась на колени на краю озера, трясясь и жадно глотая воздух, ослабев от потери крови и пере-

несенного шока, и стала вглядываться в огонь сквозь плену мокрых волос и воду, попавшую в глаза.

— Вилла! — прошептала она. — Дурайд! О боже, пожалуйста, только не это! Нет!

Ройан с трудом поднялась на ноги и побрела к своему горящему дому.

Башит выключил фары и двигатель, когда они свернули на дорожку, ведущую к вилле. Машина скатилась вниз и остановилась.

Все трое вылезли из «фиата» и поднялись по каменным ступеням к мощеному дворику. Тело Дурайда лежало там, где его оставил Башит, возле бассейна с рыбками. Бандиты даже не взглянули на египтолога и прошли в темный кабинет.

Башит положил на стол дешевую нейлоновую сумку.

— Мы потеряли слишком много времени. Теперь надо торопиться.

— Это Юсуф виноват, — заявил водитель «фиата». — Он дал женщине сбежать.

— У тебя тоже был шанс поймать ее на дороге, — огрызнулся Юсуф, — и ты показал себя не лучше.

— Довольно! — оборвал их Башит. — Если хотите, чтобы вам заплатили, смотрите — дальше действуйте без ошибок.

Луч фонарика выхватил из темноты свиток, лежащий на столе.

— Это он. — Башит был твердо уверен: ему показывали фотографии рукописи. — Им нужно все: карты, снимки, книги и бумаги. То, что на столе и использовалось в работе. Ничего не оставляйте.

Они быстро запихали награбленное в сумку. Башит застегнул ее.

— Теперь доктори. Тащите его сюда.

Двое бандитов вышли во дворик. Каждый из них схватил тело за ногу, и они втащили Дурайда в кабинет. Тот стукнулся затылком о каменную ступеньку на поро-

ге; на плитах дворика остался длинный кровавый след, блестящий в свете фонарей.

— Несите лампу! — приказал Башит.

Юсуф вернулся во двор и принес керосиновую лампу, которую уронил Дурайд. Пламя совсем угасло. Башит поднес лампу к уху и потряс.

— Полная, — с удовлетворением отметил он и отвинтил колпачок. — Все в порядке, — сказал бандит остальным. — Забирайте сумку и идите в машину.

Когда его сообщники вышли, Башит обрызгал содержимым лампы рубашку и штаны Дурайда, потом подошел к полкам и выплеснул остатки на книги и манускрипты.

Бросив пустую лампу, он вытащил откуда-то из-под одежды коробку спичек, зажег одну и поднес к струйке керосина, текущего по книжной полке. Немедленно вспыхнул огонь, побежал наверх и принялся жадно лизать уголки рукописей, обугливая их. Башит подошел к лежащему на полу Дураиду, чиркнул еще одной спичкой и бросил ее на залитую кровью и керосином рубашку несчастного.

На груди археолога весело заплясали синеватые язычки пламени, быстро изменившие цвет, когда загорелась хлопковая одежда. От ярко-оранжевых язычков кверху потянулся черный жирный дым.

Башит поспешно выскочил в дверь, пересек дворик, сбежал по ступенькам и забрался на заднее сиденье «фигата». Машина покатила по дороге.

Дурайд очнулся от боли. Она оказалась такой сильной, что вытащила его из царства забытья на границе между жизнью и смертью.

Он застонал. Первое, что Дурайд ощутил, придя в чувство, — это запах собственной горящей плоти, и только потом жуткая боль охватила все тело. Содрогнувшись, археолог разлепил веки и посмотрел на себя.

Одежда почернела и дымилась, и такой муки ему не приходилось испытывать никогда. Дурайд смутно осознал, что комната вокруг него пылает. Воздух был полон дыма, сквозь горячую пелену едва виднелись очертания двери.

Боль была непередаваемо ужасна, и больше всего Дураиду хотелось, чтобы она кончилась. Умереть и не страдать. Потом он вспомнил о Ройан и попытался прошептать ее имя обожженными, почерневшими губами. Из рта не вырвалось ни звука. Однако мысль о жене придала Дураиду сил и решимости. Он перекатился по полу, и жар принялся терзать его спину, до того момента защищенную. Археолог снова застонал и перекатился еще раз, оказавшись чуть ближе к двери.

Каждое движение требовало напряжения всех сил и вызывало приступы мучительной боли. Однако, оказавшись опять на спине, Дурайд почувствовал дуновение ветра — сквозь открытую дверь поступал кислород, раздувающий огонь. Сладкий воздух пустыни помог археологу собраться с силами и скатиться на холодные камни дворика.

Одежда и тело Дурайда все горели. Он попытался загасить пламя на груди руками, но, увы, те превратились в обугленные черные культи.

Неожиданно ему вспомнился бассейн с рыбками. Представив, как измученное обожженное тело окунается в холодную воду, археолог заставил себя двигаться и пополз по плитам, как полураздавленная змея.

Дурайд задыхался в едком дыму, исходящем от горячей плоти, и даже слабо закашлялся, но упорно продолжал ползти, оставляя на камнях куски собственной кожи. Последнее усилие — и он плюхнулся в бассейн. Над поверхностью с шипением поднялось облачко пара, застилая глаза, так что на мгновение Дураиду показалось, будто он ослеп. Холодная вода обожгла обугленную плоть, и египтолог вновь потерял сознание.

Через некоторое время, пробравшись сквозь черные тучи забытья, Дурайд поднял мокрую голову и увидел фигуру, с трудом поднимающуюся по ступеням из сада во внутренний дворик.

На мгновение он подумал, что это призрак, созданный умирающим сознанием, но тут Дурайд узнал Ройан. Ее мокрые волосы спутанной гривой падали на лицо, ил и зеленые водоросли облепили рваную и мокрую одежду. Правая рука была замотана грязной тряпкой, сквозь которую сочилась кровь, смешиваясь с озерной водой и стекая розовыми струйками по предплечью.

Она не видела его. Ройан остановилась посредине дворика и в ужасе уставилась на горящие комнаты. Неужели Дурайд там? Сделала шаг вперед, и волна жара остановила ее. В тот же миг рухнула крыша, в ночное небо полетели тучи искр, взметнулись языки пламени. Ройан попятилась, закрывая лицо рукой.

Дурайд попытался окликнуть жену, но из обожженного горла не вырвалось ни звука. Ройан отвернулась и принялась спускаться по ступенькам. Поняв, что она решила отправиться за помощью, Дурайд сделал нечеловеческое усилие. Из его почерневших, покрытых волдырями губ вылетел звук, подобный карканью ворона.

Ройан резко обернулась, в ужасе уставилась на мужа, а потом закричала. Голова Дурайда не напоминала человеческую — волосы сгорели, а кожа лохмотьями свисала со щек и подбородка. Сквозь спекшуюся черную корку проглядывала окровавленная плоть. Молодая женщина попятилась от него, как от страшного чудища.

— Ройан, — прохрипел он.

Дурайд в мольбе поднял руку, Ройан бросилась к бассейну и схватилась за нее.

— Святая Богородица, что они с тобой сделали? — всхлипывала Ройан, пытаясь вытянуть мужа из воды.

Его кожа снялась с руки как перчатка, открывая окровавленные остатки кисти.